

тексты

разговоры

заметки

картинки

журнал

выпуски

контакты

редакция

Лёва Матюшкин.
Воскресные вкладыши
28.05.2024

1.

Ни для кого больничный дом,
больничная кровать,
а просто как-то «на потом»
и как бы впредь и вспять.

Расширясь за пределы сна,
за невмененный вдох,
собака в шерсти принесла
сухой чертополох.

2.

Так тихо в комнате, как будто далеко

расставленные Господом ладони
смыкаются невидимо в хлопок —

и опадает темный лепесток
на освещенный солнцем подоконник.

3.

Ко всему привыкаешь,
потом примыкаешь как будто,
притыкаешь минуту к минуте и вату к щели,
затыкаешь источник на ржавой от солнца груди,
и, теряя рассудок и совесть,
сосуд разбиваешь.

4.

Если бы у камня камень
попросил руки... —

спрашивал у мха лишайник.

5.

Как тень дрожит истопника, переломившись через щели, нас повело, нам повелели, всем настелили ивняка. Вот неумное дитя, что всё играюще умело, — и потому ли, что без цели, — так к цели шло наверняка, и отродясь уразумело, как перейти с «агу» к «ага», и с «или-или» к «еле-еле». И если так, то в самом деле: привет-привет, пока-пока.

6.

Кусающий клубники языки
Иезекииль-Исайя-Еремия —
так трем дроздам-рябинникам дал имя
кто зажигает ягод огоньки.

7.

В огромной школе потерялся ученик,
никто и не приметил, как исчез он

и как три дня поверх опять возник —
указа не было являться в день воскресный,

так тайное вернулось неизвестным,
как в шестипалый прятанный дневник

замолвлено: приди, двойник
небесный.

8.

Спрашивали будто родные
или почти соседи:

«видимо ли это кому-нибудь
или совсем обидели?»

Сверяли показания счетчика,
дознавались, болит ли щека,
просили унять щенка

(для переводчика:

что-то вроде дождем размытого почерка
записки в щели ларька).

9.

Так не хватает тонкости людской,
что заменяешь скупостью звериной,

укутывая плечи пелериной,
окрашиваешь волосы в морской

и прячешь за взъерошенной тоской
улыбку, словно ножик перочинный.

10.

Люблю срифмованные вещи
и серафимову хвалу:
позолочённых рук листву,
посеребрённый купол речи,
забронзовевших дней канву,
стекло, что делает чуть резче
звнящей ночи тетиву
и шов, пришедшийся ко шву.

11.

Меня не стало в этом самом дне
и дня не стало, всё вернулось к прежним
вещам, которым в детской глубине
запомниться успелось. Голос нежный

баюкает широкую кровать,
в которой я лежал, теперь как будто
я не лежу, и, наклонившись, мать
меня не различает. Поминутно

я исчезаю в памяти своей,
как бы разглаженные складки на одежде,
и ветер веет словно соловей
о чёрно нарядившейся Надежде.

Мне в языке спокойно и легко,
как мальчику уснувшему в сугробе,
что видел золотую антилопу
и сохранил на память черепок.

12.

Всё погрузилось в мысленный раствор.
Разгладив складки скатерти бумажной,
воображаешь дымный разговор
и прочее — неважное о важном —
ни для кого, конечно, ни в укор,
а так — чтобы глазам иссиня-влажным
чуть дальше направлять промытый взор.

13.

Далекое приблизилось к тебе,
а близкое как будто заменило
шаг по воде, два шага по воде,
корону из египетского ила
и семена в размокшей борозде,

как говорят секретчики — «могилу»,
а прочие — загадочно молчат.

Я спрашивал у маленьких волчат,
и те мне отвечали через силу:

«...»

(волчата отвечают через силу,
на прутья натываются, ворчат
и засыпают [как-нибудь] в обнимку,
пока над ними голоса журчат
и заслоняют [мнимые] светила).

Всё приближается — и нету ничего —
такое многое невидимо исчезло,
как если к перепелу мама перелезла и запахла [дымное] пальто.
И долго всё, и как-то соболезно,
и будто бы навеки, без «потом».

... а так невидимый качается в тени
и, падая на берег, — в тёмной тине
валяется, как если «затруднит»
ответил бы, смеясь, на половину
изжитых просьб, а прочие — на спину
перевернул.

14.

10 вкладышей турбо, маленький динозавр,
кто умер, никто не умер — сегодня, вчера, до завтра

на бревнах ближних, на бревнах дальних
кто выжил жизнью, а кто печальней.

обложка: маша гусарова

In тексты

← Данил Швед. Подсвечники

→ Елизавета Трофимова. Какой-то цифровой Трофимов
